

Счастья — первому дому и дому второму

В письме не было ни просьбы о помощи, ни призыва разобраться или восстановить справедливость... Но были страшные слова: «Я их ненавижу». И в каждой строчке — жесточенность, озлобленность, недоверие. Ко всем и всему на свете. В первую очередь к Людмиле Васильевне Кунеевой, исполняющей обязанности директора школы-интерната для слабобидящих и слепых детей города Скопина Рязанской области. Написала письмо в редакцию «Учительской газеты» пятнадцатилетняя воспитанница интерната Тая Драчева. Девочка, никогда не знавшая ни матери, ни отца. Вся биография которой определена тремя названиями: Дом ребенка. Детский дом. Интернат. Так что ответственность за Танию, ее воспитание, хорошее и дурное в ней — полностью на учителях и воспитателях, людях со специальным педагогическим образованием.

Сказать честно, смотреть на девочку больно. И не только потому, что курит, грубит, объясняется на блатном жаргоне. Удивляет какая-то эмоциональная окаянность и в то же время постоянная готовность к самообороне. Не надо было искать подход, настраивать на откровенный тон — все рассказала сразу, просто и... почти безразлично.

...Своей младшей подружке — не интернатской девочке — Тая решила открыть глаза на то, как ведет себя ее мать. Не выбирая выражений, передала все сплетни и пересуды. Разгневанная женщина (дочь, конечно, засыпала ее вопросами) прибежала к Кунеевой, тогда — завучу школы.

— А вы расправьтесь сами, по-матерински, — посоветовала

Людмила Васильевна разъяренной посетительнице.

А вот как об этом в письме Тани: «Однажды Людмила Васильевна не разобралась, в чем дело, и сказала женщине, которая пришла жаловаться: «Дайте, дайте ей сама». И добавила: «Бейте, она детдомовская». И меня начали бить головой о стену. Я этого никогда не забуду».

— Не помню, — говорит Людмила Васильевна. — Совершенно не помню этой истории. И вообще я измучилась от наветов и анонимок.

Бывает же так, что одновременно с Таниным пришло в редакцию письмо от девятилетней женщины, бывшей сельской учительницы. Буквы прыгают, мысли иной раз повторяются: возраст дает себя знать. Но есть в письме один эпизод, который описан так ясно и четко, будто вчера произошел.

...На ее уроках всегда был порядок. Но однажды сидевший за последней партой паренек, ее дальний родственник, разошелся. Раз замечание, два — никакой реакции: дерзость в глазах, уверенность, что ему-то — можно. Возмущенная, растерянная, она неожиданно для себя влепила ему звонкую пощечину. И замерла. Так стояли они друг против друга, одинаково оглушенные с одинаково горящими щеками. «Никогда, — пишет старая женщина, — рука моя не поднималась ни на сына, ни на дочку, ни на внуков. Руки матери несут ласку, заботу, поддержку — как случилась та беда, не могу себе представить». Полвека прошло. Но когда из города приезжает дочь, старая учительница всегда тревожно спрашивает: «Ты Виктора видела? Помнишь он?..»

На сиротском Танином пути

— как жаль! — не встретилось учителя со столь острым нравственным чувством, что всю жизнь терзает и мучает за обиду, нанесенную ребенку, толкает через столько лет на исповедь перед всей учительской братией.

А вот еще рассказ о командировке по письму, на первый взгляд мало похожему на предыдущее. И было даже не письмо, а телеграмма:

«Мне, молодому директору детского дома, не дают спокойно работать. Срочно требуется ваша помощь. Чететина. Моршанск».

Когда мы приехали, Эльвира Серафимовна Чететина уже не была директором. Приказом обложено ее освободили от должности за нарушение финансовой дисциплины. Эльвира Серафимовна молода только как директор: педагогический стаж ее пятнадцать лет. Начинала учителем сельской школы, потом преподавала немецкий язык в интернате для слепых детей. Есть и в Моршанске такой интернат, похожий только по названию и контингенту детей, а по всему остальному разительно отличный от Скопинского. Здесь все: и уют спален, и работа врачей-офтальмологов, и прекрасная подготовка детских хоров — направлено на одно: дети должны забыть о страшном недуге, жить интересно, полноценно, осмысленно. Эльвира Серафимовна внесла в благородное дело свою толику. Даже сейчас, через два года, когда она идет по коридору школы-интерната, ребята обрачиваются на звук ее шагов, на ее голос. И такая улыбка озаряет их лица, так тянутся они догнать ее, поговорить с ней, что ничего больше не надо знать, чтобы судить о ее сердце.

Вот из этого-то интерната вы-

звали ее однажды, предложили уволиться и срочно, за три дня, посреди учебного года оформили директором детского дома.

Нет-нет, никакого ЧП с ее предшественником не случилось: он просто торопился занять другое освободившееся место, лучше оплачиваемое — пора было думать о пенсии.

Эльвира Серафимовна была хорошим учителем в слаженном коллективе с авторитетным руководителем во главе.

И вдруг сама стала хозяйкой в запущенном, очень старом доме, где и дети жили непростые: ученики вспомогательной школы.

Она рьяно и самозабвенно начала с хозяйственных забот: отремонтировала дом, зацементировала полы в мастерских, заасфальтировала дворик. Не гнушалась никакой работой, себя не жалела, выходных и отпусков не знала. И была наивно уверена, что все, как она, радуются каждому новшеству, каждой строительной победе: это же детям. Но вымести паутину из углов, как известно, не значит переломить отношения домашних.

А «домочадцы» бурно жили той же заботой, что и при предшественнике Эльвиры Серафимовны — борьбою за возделанные полставки, четвертьставки. У каждого свои аргументы, дети, внуки, болезни. Боролись, как умели: кто лестью и подкалыванием, кто склоками и скандалами. Постепенно и директор втянулась в суету сплетен, мелких счетов, взаимных булазочных уловок. Вот когда понадобилась бы зрелость руководителя, умение подняться на «капитанский мостик», знание человеческой психологии. Но их не было. Так же как не хватало элементарной финансовой грамотности. И Чететина, доверившись житейско-

му совету бывалых людей, действительно оформила двух «подставных лиц», чтобы доплачивать тем, кто уже исчерпал допустимые нормы ставок. Уверены в одном: личный директорский карман не разбух. Эльвира Серафимовна как снимала с сыном маленькую комнатку, так в ней и живет.

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по своему», — написал когда-то Лев Толстой. Неумелый директор, грубый завуч, легкий на расправу, равнодушный, узкий воспитатель, повар, нечестный на руку, в доме, где живут дети-сироты, — все это становится не просто тяжкой ношей для взрослого коллектива — причиной несчастья всей семьи, а ее непростых детей в особенности. Но если за то, что не сложилась семья двоих, мы можем обвинять судьбу, обстоятельства, характеры, то в бедах детдомовской семьи виноваты вполне конкретные люди — те, кто по долгу службы обязаны не только заполнить вакантные места штатного расписания, но и — пора сказать об этом прямо — нести ответственность за каждого работника детского дома. Заведующий Моршанским гороно В. Г. Филатов, так скоропалительно подписавший приказ о назначении Чететиной, теперь разводит руками, смотрит на нее осуждающе. Они, руководитель городского отдела и директор детского дома, в давнем, затяжном конфликте. Зная об этом, именно к нему шли жаловаться на Чететину, у него получали разрешение на бесконечные совместительства. И Моршанский горком партии заинтересовался интернатом, лишь когда грянул гром — посыпались анонимки.

Людмила Васильевна Кунеева

из Скопинского детского дома в роли и. о. проработала больше года. Несколько месяцев назад коммунисты проголосовали против ее вступления в ряды КПСС. Но только приезд корреспондента прервал затянувшуюся нерешительность Рязанского облоно, назначать ее директором или нет.

«Областной отдел народного образования пришел к выводу о нецелесообразности назначения Кунеевой Л. В. на должность директора школы-интерната для слабобидящих детей». — получили мы ответ.

Ох, как нелегко порой разобираться в конфликте, толкнувшем на письмо в редакцию. Бывает, жалобщик-то и оказывается обидчиком, а обиженный — просто склочником, сводящим счеты. Но, что бы ни рассказывал педагог о себе, посмотрите на детские лица, к нему обращенные: что там, злора и страх, равнодушие и скука или ожидание радости, свет улыбки? Дети не умеют лгать глазами — им можно верить. И потому не хозяйственные подвиги, не организаторские способности — ребячьих лица, их глаза ответят любой комиссии: место человеку в этой детской семье или нет. Убеждены, можно было вырастить директора из Эльвиры Серафимовны Чететиной. Можно, если бы не скоропалительность назначения, равнодушное наблюдение со стороны, собственные амбиции. Но ни год, ни день не должен был возглавлять интернат человек, для которого слово «по-матерински» и «расправиться» стоят в одном ряду. Разве это не ясно?

Т. МИЛЕДИНА,
Л. СОБОЛЕВА.

(Спец. корреспонденты).

Моршанск (Тамбовская область) — Скопин (Рязанская область).